

Протоиерей Дмитрий Сазонов

Кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры им. святых Кирилла и Мефодия

Характерные черты церковно-государственных отношений с 1964 по 1982 гг. (по материалам Центральной России)

Считается, что брежневский период «застоя», в отличие от реформ «хрущевской оттепели», является периодом стабильности и даже некоторого потепления в государственно-церковных отношениях. Но несмотря на некоторое изменение формулировок, отразившееся в законодательстве о религии и новой Конституции СССР 1977 года, суть политики государства и партийных органов оставалась прежней: выдавливание Церкви из всех сфер общественной жизни: запрет на обучение религии подростков и их присутствие на богослужениях, запрет на благотворительность, дискриминация верующих в образовательных учреждениях и на производстве, разложение исполнительных органов церкви с целью закрытия прихода, тотальный контроль за деятельностью и финансами церковной организации, регистрация священнослужителей как инструмент давления на неудобных, администрирование на местах в отношении церковных приходов. Закрепление за Советом по делам религий прав последней инстанции при закрытии приходов. Использование ренегатов и негативных явлений в церковной среде в качестве примеров для дискредитации религии. Антирелигиозная пропаганда. Все перечисленное в совокупности и явилось фактом нарушения конституционных прав и прав свободы совести. Государство провозглашая свое отделение от Церкви беззастенчиво вмешивалось в ее жизнь. История показала тщетность усилий по ликвидации Церкви. После смерти Брежнева и ухода «сталинско-хрущевской номенклатуры», наметились тенденции к возрождению церковной жизни. Празднование 1000-летия Крещения Руси дало мощный импульс к восстановлению религиозных прав и свобод.

Ключевые слова: гонения на Церковь, верующие, двадцатка, приход, регистрация, религия, уполномоченный.

Принято считать, что с отстранением Н. Хрущева от руководством партией и государством закончился период гонения на Церковь. Брежневский период, когда у руководства партией и государством встал номенклатурный работник Л. И. Брежнев, по мнению некоторых исследователей, характеризовался относительно стабильным отношением к религии. Не было уже жестких административных наскоков на религиозные организации, не было развернутой клеветнической компании в прессе по дискредитации религии и священнослужителей, не было массового закрытия церквей. Однако, при всей видимой «стабильности» государственно-церковных отношений

налицо был тотальный контроль за церковными структурами, священнослужителями и верующими, притеснение верующих на всех уровнях хозяйственной и общественной жизни, дискриминация при приеме на работу, лишение права открыто исповедовать свою веру и т.д. После «хрущевских гонений» жесткое давление и контроль над церковными структурами не ослабевал, но внешне не афишировался, он видоизменился, внешне не принимая формы открытого противостояния. Брежневские гонения характеризовались более тонкой и разнообразной организацией. Всякая попытка выйти из отведенных законодательством о религии рамок пресекалась и наказывалась.

16 июля 1969 года на Всесоюзном совещании уполномоченных совета Председатель Совета религий СССР В. А. Куроедов в своем докладе «О современном состоянии религии в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах» заявил о полном контроле на Синодом, кадрами священнослужителей на приходах, учебными заведениями и издательской деятельностью Церкви[1]. Протоиерей Д. Константинов писал, что «брежневские гонения» внешне были более прилизаны и их активные деятели, как он отмечал, «работали даже иногда в белых перчатках»[2]. Ивановский историк А. А. Федотов пишет, что гонения утихли, «но продолжались, в более мягкой форме» [3]. Недаром, в воспоминаниях некоторых священников, брежневский период характеризуется как период, когда вроде бы все поняли правила игры: кто как мог, тот договаривался с властями (на уровне архиерей-уполномоченный, священник-председатель исполкома), но никто не чувствовал себя в безопасности, поскольку стратегия государства в отношении Церкви оставалась неизменной – ликвидация Церкви, как пережитка прошлого. Выдвиженцы сталинско-хрущевской системы по-прежнему оставались на идеологическом фронте, имеются ввиду М. А. Сулов, Ю. В. Андропов и др. Да, была подчас «дружба» у архиереев с уполномоченными и властями, что иногда помогало решать проблему кадров и некоторые административные вопросы, но подобные случаи были скорее исключением, чем правилом. Конечно, нельзя не отметить некоторое послабление в законодательстве «О религиозных объединениях» 1975 г., которые отразились в первую очередь на имущественных правах Церкви, в частности, отменялась прежняя формулировка о не наличии у религиозных объединений прав юридического лица. Однако, вместо нее и определение о каких-либо правах, кроме «отправления религиозных потребностей» для религиозных организаций отсутствовало. Ирония, как писал Д. В. Поспеловский, состояла в том, что Церковь и ее приходы получили право приобретать церковную утварь, даже транспортные средства и строения для новых нужд, но не имели юриди-

ческих и имущественных прав на церковные здания. Здания церквей по-прежнему находились в собственности государства, которое передавало их верующим в пользование. Вместе с некоторыми положительными изменениями, получили жизнь и отрицательные добавления: в связи с внесением в законодательство новых изменений верующие потеряли право апелляции в высшие государственные инстанции по поводу закрытия прихода, решение по закрытию и открытию приходов оставалось в компетенции Совета по делам религий, усложнялась и сама процедура подачи заявлений о регистрации приходской общины. Наряду с произошедшими изменениями в законодательстве, в которых можно было увидеть некоторое послабление в отношении имущественных прав Церкви со стороны государства, право государственных органов вмешиваться в жизнь религиозной общины осталось без изменений[4]. Так, в докладе уполномоченного по Ярославской области Вагина говорится о полном контроле над церковным исполнительным органом: «Установлен контроль за исполнительными органами и до их сведения доведено решение о недопустимости проведения собраний общин, ремонта зданий и по другим вопросам без разрешения исполкома районного, городского и сельских Советов»[5]. Ничего нового не принесла верующим и новая «брежневская Конституция 1977 года, которая в 52-й статье оставляла за религиозными объединениями право отправлять богослужения, т.е. при некотором изменении законодательства суть оставалась прежней – право государства вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви и контроль за ее деятельностью.

Старосты и счетоводы церковных двадцаток, а также их приближенных круг лиц, состояли на окладах и находились в прямой зависимости от исполкомов на местах, через них осуществлявшим полный контроль над церковной общиной. В отчете Костромского уполномоченного читаем: «С переводом всего духовенства на оклады и усиления контроля финансовых органов за правильным учетом и использованием церковных средств, треб, введением квитанционной системы учета, увеличится объем работы

старост вызовет необходимостью в вольнонаемных счетоводов. В этой связи бесплатно работающих старост не будет, а также, и остальные члены исполнительных органов уже начали назначать себе оклады [6]. Власть предпринимала ряд мер по разложению двадцатки и закрытию прихода, в чем содействие ей оказывали учрежденные повсеместно комиссии и члены содействия комиссии по соблюдению законодательства о культах. Благодаря индивидуальной работе, члены комиссии и члены содействия комиссии добились выхода из религиозных общин в Ярославле: в 1964 году - 11 человек двадцаток, подавших заявления об уходе, в 1965 году - 9 человек. В таких церквях как Феодоровская, Толгоболь, Введение – составы церковных двадцаток, благодаря работе комиссий, запугиванию и травле людей, часто пожилых и больных, доведены до 14 человек. В результате чего, «Сеславинская церковь состоит на очереди закрытия, священника там нет. Староста подала заявление об уходе» [7]. Предпринимая меры по разложению двадцатки и закрытию прихода закрывали в первую очередь «затухающие приходы» в которых богослужения совершались крайне редко, двадцатка была неполная, закрыть можно было без особого шума. При этом, везде, где было возможно, проводилась компания по созданию искусственной ситуации с нехваткой кадров: «Исполнительные органы церквей, находящихся в сельской местности испытывают большие затруднения в пополнении членов двадцатки. С большими трудностями укомплектовывали двадцатку в Неверовской и Успенской (с. Закобьякино) религиозной общине. Возраст членов двадцатки в основном своем составе свыше 60 лет. Сами церковники говорят, что с каждым годом все труднее укомплектовывать двадцатку» [8]. С 1964 по 1975 годы количество приходов Русской Православной Церкви сократилось на 811 храмов, с 7274 сократилось до 7062. В среднем закрывалось около 50 приходов в год. В последующие 5 лет темпы закрытия были несколько приторможены, закрывалось до 6 приходов ежегодно. В 1982 году, в год смерти Л. И. Брежнева, Русская Православная Церковь насчитывала всего лишь 7001 приход и 16 монастырей (2 на терри-

тории РСФСР) [9]. К 1970 году в 10 регионах Центральной России и Москве насчитывалось 621 приход (43 в Москве, 134 в Московской области), в которых служили 847 (156 и 188 в Москве и московской области соответственно) и 146 диаконов (56 и 26) [10]. Конечно, церквей стали закрывать по сравнению с «хрущевским периодом» меньше (с 1958 по 1964 гг. закрыто 5 451 приход, в среднем, по 900 приходов ежегодно) [11], но ведь, как писал прот. Д. Константинов, не было «неограниченного запаса» церквей и была реальная перспектива получить «катакомбную Церковь», которую вряд ли можно контролировать. Но главным аргументом, на наш взгляд, следует считать имиджевый фактор успешности коммунистического эксперимента в СССР.

В брежневский период старались закрывать приходы постепенно, без огласки на Западе, т.к. доктрина «миротворца» и поборника «прав человека» на международной арене была необходима советскому строю, как уже было сказано, для имиджа успешности первого в мире государства строящего коммунизм. Так, шум, поднятый вокруг «тихого» закрытия Успенской церкви в Калужской области, поставил для Совета по делам религий трудную задачу по ее закрытию [12]. Ярославский уполномоченный «спускает» директиву подчиненным: «Изучить религиозную обстановку в с. Вознесенское, имея ввиду, что в церкви этого села уже длительное время не ведется богослужение и представить необходимые материалы исполкому областного Совета депутатов трудящихся для решения вопроса о возможности снятия данной религиозной общины с регистрации и использования церковного здания для нужд района» [13].

Конечно, церквей стали закрывать по сравнению с «хрущевским периодом» меньше (с 1958 по 1964 гг. закрыто 5 451 приход, в среднем, по 900 приходов ежегодно) [14], но ведь, как писал прот. Д. Константинов, не было «неограниченного запаса» церквей и была реальная перспектива получить «катакомбную Церковь», которую вряд ли можно контролировать. Но главным аргументом, на наш взгляд, следует считать имиджевый фактор успешности коммунистического эксперимента в СССР.

В брежневский период старались закрывать приходы постепенно, без огласки на Западе, т.к. доктрина «миротворца» и поборника «прав человека» на международной арене была необходима советскому строю, как уже было сказано, для имиджа успешности первого в мире государства строящего коммунизм. Так, шум, поднятый вокруг «тихого» закрытия Успенской церкви в Калужской области, поставил для Совета по делам религий трудную задачу по ее закрытию [15]. Ярославский уполномоченный «спускает» директиву подчиненным: «Изучить религиозную обстановку в с. Вознесенское, имея ввиду, что в церкви этого села уже длительное время не ведется богослужение и представить необходимые материалы исполкому областного Совета депутатов трудящихся для решения вопроса о возможности снятия данной религиозной общины с регистрации и использования церковного здания для нужд района» [16].

Надо отметить, что легальное существование ограниченного числа храмов и Церкви в отведенной ей резервации вполне устраивало партийных идеологов. За последние три года перечисления в фонд мира и ВООПИК не превышают 4-5% от общего дохода, в то время как на июнь 1971 года на счетах этих религиозных обществ имеется до 25000 руб.» [17]. И далее: «Комиссия содействия следит и за тем, чтобы не допускать администрирование по отношению к религиозным организациям и оскорбления чувств верующих, они же проводят работу по отвлечению денежных доходов церковью в фонд мира. За 2,5 года перечислено 19, 5 тыс. руб.» [18].

Надо отметить, что легальное существование ограниченного числа храмов и Церкви в отведенной ей резервации вполне устраивало партийных идеологов. За последние три года перечисления в фонд мира и ВООПИК не превышают 4-5% от общего дохода, в то время как на июнь 1971 года на счетах этих религиозных обществ имеется до 25000 руб.» [19]. И далее: «Комиссия содействия следит и за тем, чтобы не допускать администрирование по отношению к религиозным организациям и оскорбления чувств верующих, они же проводят работу по отвлечению денежных доходов церковью в

фонд мира. За 2,5 года перечислено 19, 5 тыс. руб.» [20].

По действиям органа, стоящего посредником между государством и Церковью – Совета по делам религий, некоторые исследователи называют брежневский период периодом «возрождения обер-прокуратуры». Ни один организационный или административный вопрос нельзя было решить без согласия на то Совета, деятельность которого была регламентирована постановлениями партийных и государственных органов. Согласимся с рядом исследователей, что понятие обер-прокуратуры, принятое в отношении Совета по делам религий довольно условно: Совет защищал коммунистическое государство от «поползновений церковников», в отличие от задачи обер-прокурора, оберегавшего Православие от «враждебных Православию поползновений» [21]. Основной курс государства и коммунистического воспитания – построение «безрелигиозного общества» был отражен в Уставе и программе КПСС.

Повсеместно отмечались произвол уполномоченных на местах (обычно, бывших работников МГБ). Особенно он проявлялся в отношении регистрации священников: неугодных, активных, ярких миссионеров и проповедников либо не регистрировали, ссылаясь на нарушение ими законодательства о культах, либо снимают с регистрации. Регистрация была инструментом, благодаря которому уполномоченный оказывал влияние на деятельность всей административной цепочки Церкви: от архиерея до сельского священника. «Снятие с регистрации» - пишет А. Э. Краснов-Левитин - является великолепным средством для шантажа: содействуя путем угроз на неустойчивых, колеблющихся священнослужителей, запугивая их, уполномоченные принуждают их снимать с себя сан» [22]. Скованный тотальным контролем деятельность священника была сведена к роли «служителя культа», работника, лишённого права быть пастырем своих чад, миссионером для мира, и проповедником слова Божьего. Из Ярославского Совета поступило предложение обратиться и подготовить в 1972-73 предложения Совету по делам религий при Совете Министров СССР по пресечению благотвори-

тельной деятельности Церкви и внесении дополнений к инструкции Министерства финансов СССР в части ограничения выплат пособий на лечение и разовых вознаграждений к религиозным праздникам и премиальных церковнослужителям и обслуживающему персоналу» [23].

Всякое отступление от законодательства узнавалось и пресекалось. «Членами комиссий вскрывают факты крещения детей без согласия отца: вместо него в церковь явилось подставное лицо. Выявлен случай крещения детей комсомольцами Градусова К. П. коммунистами (студенты пединститута Бережная Г., шофер колхоза «Дружба» «Переяславского р-на Морозов С. П.) комсомольцами (Авдеева В. из колхоза «Трудовая Армия») Шестаковой Н. А. из ателье № 5, Пушкиной В. А. работнице завода «Металлист». Во всех церквях, кроме квитанций на уплату денег за крещение, заведены журналы или тетради, где записываются отец и мать личности, и другие необходимые данные. Райгорисполкомы по этим записям составляют свои списки, которыми снабжают партийные органы. Теперь все труднее становится родителям, окрестивших своих детей, ссылаться на свекровей и тещ. Приходится самим «давать ответ» перед общественными организациями за совершенный обряд» [24].

На антирелигиозный пропагандистский фронт были брошены большие силы как специалистов высших учебных заведений, школ, врачей, лекторов общества «Знание», которые трудились не покладая сил на чтение лекций, тиражирование брошюр и других материалов, разоблачающих «религиозны дурман». Например, только в Ярославском районе «при 12 клубах и домах культуры работают лектории по научному атеизму, организовано 6 кинолекториев. Атеистическую пропаганду в районе ведут 32 лектора, имеющих специальную подготовку. В 1973 году по вопросам атеизма прочитано 149 лекций. В районной газете «Ленинское знамя» регулярно печатаются материалы и ведутся беседы по атеистической пропаганде. Ежемесячно дается обзор журнал «Наука и религия». «Вопросы атеистической работы исполкомов сельских, поселковых советов и культурно-

просветительных учреждений, внедрение новых советских обрядов систематически обсуждаются на заседаниях исполкомов Советов» [25].

Продолжали существовать карательные меры в отношении верующих людей. Например, в Ярославской области из Ярославского пединститута были уволены муж и жена за то, что их ребенок был крещен в церкви, в Некрасовском районе были исключены из состава учащихся два школьника, носивших нательные крестики [26].

Церковь не молчала. Конечно, в отличие от обращения в вышестоящие инстанции «Христианского комитета по затее прав верующих», возглавляемого подмосковным священником Г. Якуниным, писем Патриарху рязанского мирянина А. И. Солженицына, кировчанина Б. Таланова, писем Л. И. Брежневу епископа Полтавского и Кременчугского Феодосия (Дикуна), епархиальные архиереи Центральной России не поднимали своего голоса в защиту прав верующих и Церкви. Следует учесть, что они находились под неусыпным контролем как гражданских властей, так и своего окружения, представители которого сотрудничали с властями. Духовная дочь митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Венланда) рассказывала о том, что в дневниках его сестры, монахини Ефросинии, после ее смерти прочитали запись: «Бедный владыка! Как тяжело ему, что близкие люди предают его». И дальше назывались имена из окружения владыки, которые доносили в «органы» всю информацию о том, что делает, говорит, и с кем встречается митрополит Иоанн [27].

Поэтому, биограф Патриарха в. Никитин пишет: «Получив письмо Солженицына, Патриарх Пимен с горечью сказал: «По-быть бы ему в моих башмаках хоть пару дней!...Ну, пусть пишет!» [28]. Даже Патриарх был не свободен в своих действиях. Ведь как отмечал А. Краснов-Левитин, парадокс социалистического государства состоял в том, что с одной стороны оно заявляло о невмешательстве в дела Церкви своим Декретом 1918 года, но наряду с заявлениями вмешивалось в дела Церкви и нарушало принятые в отношении религии законы и Конституцию, свои принципы (отде-

ление Церкви от государства). Принуждало священнослужителей, не только рядовых, но и архиереев, «регистрироваться» у уполномоченных, что являлось актом прямого назначения со стороны государства[29].

В результате правильного подбора церковного совета и регулярного контроля за его деятельностью по соблюдению советского законодательства сейчас случаи посещения детей храма стали очень редкими и о каждом посещении детьми комиссия узнает немедленно, что дает возможность принятия оперативных мер по усилению воспитательной работы с этой категорией людей[30].

Краснов-Левитин, в своих «Диалогах с церковной Россией» отмечал, о наивности тех, кто считал, что поколения людей, выросших в «сталинскую эпоху» не будут повторять прошлых ошибок: «ведь целое поколение ответственных работников выросло и воспитывалось в удушливой атмосфере, когда поощрялись всякие беззакония и всякий произвол» [31].

Но, вот что так вызывало удивление антирелигиозных идеологов так то обстоятельство, что молодежь, пришла в храмы в середине 60-х. Молодежь обучавшаяся в сталинских школах и техникумах, рожденная в атеистических семьях, воспитывавшаяся в чуждой вере среде, восторгалась запуском ракет и утверждениями космонавтов, что «Бога в космосе нет», смотревшая антирелигиозные фильмы и читавшая «правду о религии» в советских газетах, знавших об обещании Хрущева показать через два десятка лет «последнего попа»... молодежь пришла в храмы. Ни деньги (некоторые священники сводили при таком налогообложении концы с концами, ни посулы власти отречься от веры и стать как и некоторые священники: А. Осипов, Н. Спаский и др. – знаменем атеизма, ни трудности, не смогли их отвернуть от веры. Многие из них стали затем, уже в 80-90-е годы стали священниками и свидетелями возрождения Церкви[32]. Не смотря ни на какие усилия пропагандистов и активистов, лекторов и ренегатов, Церковь год от года показывала увеличение обрядности и доходов. Так, уже после смерти Брежнева, в 1984 году обрядность в Смоленской области

показывала напр. по отпеваниям 46,3%, в таких городах как Вязьма 100%, Рославль 91,6, Гагарин 63,2%[33].

Однако, несмотря на потраченные усилия, на огромный ущерб, который был нанесен антирелигиозной компанией и «брежневским гонением» на Церковь духовно-нравственному состоянию народа, путем лишения Церкви ее традиционной воспитательной функции, его культурному наследию путем снятия с учета и разрушения церквей, Церковь выстояла, сохранив свои канонические устои. Получая с мест свидетельства высокой религиозности и обрядности, констатируя провал своей антирелигиозной политики, власть была вынуждена говорить о «недостатках пропаганды» и «индивидуальных подходах», «принципиальности и соблюдении законодательства о культурах, но время неумолимо показывало крах иллюзий о том, что религия исчезнет сама. Через 6 лет после эпохи Брежнева, в 1988 году празднование 1000-летия Крещения Руси дало мощный толчок к возрождению Церкви.

Библиографический список:

1. Вестник русского христианского движения (ВРХД) Париж. 1979. №9 (130). С. 275-344.
2. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь// Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва-Париж. 1981 (III) №15. – С.102.
3. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943-2000гг: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам центральной России) – Иваново, 2009. – С. 145-146.
4. Пospelовский Д. В. История русской Православной Церкви в XX столетии. – М., 1995. С. 397-399.
5. ГАЯО. Ф 1033. Оп.1. Д. 40. Л. 107.
6. ГАКО. Ф. р-2102. Оп.5. Д, 51. Л, 4.
7. ГАЯО. Ф 1033. Оп.1. Д. 40. Л.59.
8. ГАЯО. Ф. р-1033, Оп.1. Д. 73. Л. 18.
9. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. - С.430.
10. ГАРФ. Ф. р-6991. Оп.2. Д. 167. Л, 37,38, 107; Оп.6. Д.25. Л.7-14.

11. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – С.430.
12. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь// Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва-Париж. 1981 (III) №15. – С.109.
13. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л. 107.
14. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – С.430.
15. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь// Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва-Париж. 1981 (III) №15. – С.109.
16. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л. 107.
17. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.106.
18. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.60.
19. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.106.
20. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.60.
21. История России в XX веке: 1939-2007./под ред. А. Б. Зубова – М.: Астрель. АСТ, 2010. – С.426.
22. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: «Ихфис». Париж, 1967. – С. 108.
23. ГАЯО. Ф. 1033. Оп.1. Д. 41. Д.121.
24. ГАЯО. Ф.1033. Оп.1. Д.40. Л.51.
25. ГАЯО. Ф.1033. Оп.1. Д.59. Л. 60, 93.
26. ГАЯО. Ф.1033. Оп.1. Д.40. Л.45.
27. Черных Н. А. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). – Ярославль: Изд. «Китеж», 2013 – С.358.
28. Никитин В. Патриарх Пимен: Путь устремленный ко Христу. – М.: Эксмо: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2011 – С. 212.
29. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: «Ихфис». Париж, 1967. – С. 108.
30. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.6.
31. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: «Ихфис». Париж, 1967. – С. 113.
32. Любимов Б. Собиратели. Некоторые особенности священнослужения в советскую эпоху. НГ-религия. М., 1997. 30 янв. С.7.
33. ГАСО. Ф. 985. Оп.2. Д.73. Л.13.

©Сазонов Д.И., протоиерей, 2015